

Виктор СЛИПЕНЧУК

ТАИНСТВА РИФМЫ

Интервью

Вопросы подготовил Александр Балтин

Жизнь, определяемая словом и действием; жизнь, наполненная словом как деянием – такова жизнь Виктора Слипенчука: прозаика и поэта, драматурга и эссеиста, а в прошлом – моряка, прошедшего годы водного, сложного, морского труда.

Сложность и яркость пережитого, слагаясь и спрессовываясь в многослойный опыт, определяют и высоту словесного искусства: опыт, пропускаемый через фильтры дара, блистает метафизическим золотом, увлекая в мистику поэзии, прозы, драматургии, публицистики...

Мы беседуем с писателем после недавно состоявшихся Белградской и Бакинской книжных ярмарок, логично поинтересоваться прежде всего впечатлениями, оставленными оными мероприятиями.

– Виктор Трифионович, вам не раз доводилось бывать в разных точках мира с книжной миссией, представляя свои издания, присматриваясь к изданиям разных авторов, встречаясь с писателями. Недавно прошедшие Бакинская и Белградская ярмарки чем запомнились? Сколь яркие впечатления оставили в душе? Можно ли их сопоставить, и если да, то какая отозвалась ярче, дала больше?

– Александр Львович, логика здесь ни при чём.

Все ярмарки схожи между собой, потому что в основе их – внешний блеск. Умение в выгодном свете представить ту или иную книгу. И здесь начинаются различия, диктуемые географическим расположением страны и тяготением её народа. Мне довелось представлять свои книги во многих странах, и всюду, скажем так, эти два пункта были определяющими. То есть влияние политических сил, наверное, всегда имело место быть, но оно не было заметным. Теперь, после 2014 года, это влияние стало заметным. Конечно, Сербия как православная европейская страна мне ближе. Тем не менее

Азербайджан в сравнении с Сербией произвёл на меня, говоря вашим языком, более яркое впечатление. И прежде всего, как мне кажется, своим более устойчивым вниманием к русской книге. Имею в виду, что внимание элиты азербайджанского общества к той или иной русской книге легко передаётся, что называется, в народ. И этому содействуют не только СМИ, целые институты задействованы в этом направлении.

На ярмарке в Баку к нам (русской делегации) пришёл коллектив сотрудниц Бакинского славянского университета, и одна из них – Флора Наджи, доктор филологических наук, профессор Бакинского славянского университета, заслуженный журналист Азербайджанской Республики, – подарила мне книгу «Тетрадь переводчика».

В обращении к читателю она говорит, что эта книга не антология, не хрестоматийный сборник, не тематическая подборка стихов.



«В эту «тетрадь» вошли нашедшие отклик в моей душе, задевшие мои чувства и мысли произведения самых разных авторов на самые разные темы. Они, как говорится, «легли на душу» и сами «напросились» на перевод. Здесь представлены стихи не только корифеев современной азербайджанской поэзии, не только признанных мастеров, но и только начинающих свой путь молодых поэтов».

Потом, после встреч у стенда книг нашей русской делегации довелось выступать в Институте рукописей перед филологами профессорами, докторами – неизгладимое

*Виктор Слипечук и Гюнель Анаргызы,
писатель-публицист, директор Baku Book Center*

впечатление. Они на уровне повседневной работы следят за русской литературой. В Сербии и других близких нам по языку странах этого нет. Более того, как мне показалось, в последнее время не сербская элита поставляет новинки русского языка в народ, а народ через учителей русского языка (русский язык изучается в школах на уровне иностранного языка) оказывает некоторое благотворное влияние на свою элиту.

Некоторое – потому что (находясь в окружении других европейских языков) прямой потребности в русском языке нет.

– Собрание сочинений – в определённом смысле монументальная цель, к которой стремится писатель, одолевая сопротивление материала жизни: превращая его постепенно в свои тома. Какие чувства вы испытали, когда вышло ваше собрание сочинений?

– Собрание сочинений никогда не было для меня монументальной целью, впрочем, ни монументальной, ни вообще никакой. Так получилось, что со студенческой скамьи я хорошо читал стихи, и не только свои. И естественно, выступая с барнаульскими поэтами (Алтайский край), больше всех награждался горячими аплодисментами. Это вызывало ревность и зависть. Именно на этой почве некоторые алтайские поэты распространяли мнение, что стихи у меня плохие. Но я их читаю настолько хорошо, что любители поэзии не замечают убогости моих стихов. Это мнение поддерживалось и книжным издательством. Они опасались издавать мои произведения отдельной книгой. Смелая, независимая поэзия, как, впрочем, и проза, тогда были не в чести. Так что реакция на любое крупное издание своих произведений всегда была единственной – данная публикация наконец-то принесёт мне признание или это что-то недостижимое, о чём лучше не думать.

Седьмой том собрания сочинений полностью отдан поэзии. В нём опубликованы не только мои стихи, но и мои поэмы и баллады. Так что хорошо помню чувство – данная публикация наконец-то принесёт мне признание или и на этот раз придётся заново доказывать свою литературную состоятельность.

– Отдельно хотелось бы узнать о дополнительном, девятом томе, состоящем из эссеистики, посвящённой вашему творчеству, и множества фотографий, фиксирующих ваши разнообразные путешествия. Какие точки и области мира вам, много путешествовавшему писателю, наиболее близки?

– Вопрос сам по себе интересный и абсолютно не связан с книжным делом.

Это случилось в конце девяностых. Писатели-маринисты помогли мне с командировкой через Атлантику на теплоходе «Виктор Ткачёв». Моя задача состояла в том, чтобы интересно написать об этом путешествии для юношеского альманаха «Океан».

Время было не лучшее. Мы вышли из Мурманска. В порту горели автомобильные шины. Повсюду ощущался запах гари и всеобщего запустения. Страна разваливалась. Впервые покидая родной порт, хотелось поскорее выйти в открытое море, чтобы не видеть этого всеобщего безобразия.

Мы пересекли Атлантику.

У острова Ньюфаундленд мне довелось на рассвете, где-то в четыре часа утра, лицезреть зелёный луч. Редчайшее зрелище. В рассказе «Счастливчик» довольно подробно рассказываю об этом факте.

Вошли в устье судоходной реки Святого Лаврентия и практически с запада на восток пересекли всю Канаду. Пришвартовались в порту города Монреаль.

Начальство судна занималось документацией, мы привезли в Канаду колёсные трактора «Беларусь». Канадцы тут же, в порту, «прилепливали» им стеклянные кабины (мотор, колёса... вся начинка наша), но трактора было не узнать – конфетки.

В общем, мы, нас несколько человек (рядовой состав), выгреблись в город. Был жаркий июньский день. В парке, в прохладном закуточке пацаны попросили меня подождать. Они решили прошвырнуться по магазинам. Я сел на лавочку. Кругом всевозможные цветы, запомнились розовые каллы. Поверх деревьев виднелся их знаменитый олимпийский дворец спорта, крышу которого держит что-то наподобие железного подъёмного крана. Я даже пересел на другую лавочку,

чтобы это техническое убожество не мозолило глаза.

Теперь перед глазами стояли осенённые радугой фонтаны в виде огромных чаш, блюдец, прямоугольных и других геометрических фигур. Вода переполняла их, скатывалась на нижние тарелочки, и всё вокруг: плеск воды, волны радуги, цветы, кроны деревьев, кусты – всё-всё наполнялось и дышало шумом прохлады. И я погрузился в этот шум и стал как бы частью этого шума, полностью слился с ним. И помню вполне отчётливый неожиданный вскрик души: Господи, как хорошо, я – дома!

Может быть потому, что мы тогда жили в Новгороде, меня посетило откровение, что именно таким способом древние строители безошибочно находили места, где надлежит ставить храм.

Как бы там ни было, уже в Роттердаме я заходил в парки, уединялся в расчёте ощутить подобный «вскрик». Ничего подобного. Казалось бы, Роттердам – Европа, ближе к дому, но нет. Глубоко убеждён, что существует особый магнетизм местности, который мы непременно будем учитывать, устраиваясь на жительство на той или иной планете.

К сожалению, а может быть к счастью, никаких своих книг в Канаде не издавал.

– Японский колорит... Широко представлены фотографии Японии. Близок ли вам японский поэтический минимализм? Не хотелось ли самому писать хокку и танки? Сколь своеобразие японского образа жизни повлияло на вас – если повлияло вообще?

– Нет, меня не интересовала японская поэзия в духе хокку и танки. Я был очарован прозой Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья». По сути, благодаря этому своеобразному репортажу из X–XI веков о жизни и становлении японцев как нации мы с Галой (моей женой) проехали Японию вдоль и поперёк. И всё же стихотворение со своим пониманием минимализма я написал. Но – по порядку.

Нас сопровождала в качестве переводчиков семья Тибулевичей – Александр и его жена Каори, коренная японка, абориген из айнов, населявших японские острова с древнейших времён. Всю их поездку с нами оплачивал наш сын. Так

что для них, кроме всего прочего, это мероприятие было выгодной командировкой.

Начало сентября. По-летнему тепло. Мы ехали из Саппоро на живописнейшее озеро Тояко, расположенное в кратере вулкана, и так получилось, что в двадцати километрах от нашей магистральной дороги находилась деревня, в которой жила мать Каори. Мы предложили заехать к ней и очень удивились, что заезжать к маме нельзя, потому что Каори загодя не предупредила маму, что по пути заедет к ней. Мы с Галой очень удивились, что родную маму надо предупреждать о визите (совершенно другой менталитет), но внешне, глядя на Сашу Тибулевича (ни на что не реагирующего), не выразили удивления.

Сейчас, оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что более таких путешественников, как мы, нигде нет. И вот почему? В октябре, возвращаясь с острова Хоккайдо на остров Хонсю, мы единогласно решили, что поедем на поезде «Кассиопея» под Сангарским проливом.

Нам с Галой как иностранным путешественникам достался вагон с душем в купе. Семья Тибулевичей пришла к нам посмотреть на душ как на что-то новое в сервисе. Каори уведомила нас, что заказала в наше купе шампанское. Так как шампанское задерживалось, Саша Тибулевич решил опробовать душ. Так сказать, с пользой убить время.

Слава богу, как он ни бился над кранами и задвижками – вода не пошла. (Шампанского всё ещё не было.) И вот наконец из вагона-ресторана появился официант с шампанским. На подносе празднично позванивали и поблёскивали сверкающие фужеры и всевозможные инструменты для сервиса. И тут совершенно неожиданно по радиотрансляции объявили, что надо срочно занимать свои места – поезд отправляется.

Официант и Тибулевичи немедленно побежали в свои вагоны. И через минуту-другую поезд сдвинулся с места. Точнее сказать, рванулся и застыл. Потом, без всякого объявления по радио, усиленно стал набирать ход и неожиданно опять встал как вкопанный. Фужеры, словно красивые птички, резко взлетели к потолку и, падая на пол, взрывались, как гранаты. Бутылка шампанского, точно снаряд, ударила в моё

смотровое окно (окно оказалось бронированным) и, подпрыгивая, залетела под кровать. Я мастерски забаррикадировал её одеялом. Она билась под ним, как живая.

Пугаться событий, происходивших в тоннеле, не было времени. Для нас битва за жизнь происходила непосредственно в пространстве вагона. Мы изо всех сил держались за металлические спинки кроватей, потому что раз за разом вагон встряхивало с такой силой, что, казалось, он не выдержит и разойдётся по швам соединений. По радиотрансляции прошло какое-то извещение, но переводчиков не было.

Поезд «Кассиопея» стал уверенно набирать ход. Мелькавшие электрические фонари в тоннеле стали превращаться в огненные линии. Гала сообщила, что сейчас больше всего боится холодной воды. Душевая приоткрылась, и ручка душа, похожая на старинный корабельный телефон, высовываясь из щели, стала биться в её плечо. Я подтянулся и задвинул дверь. Из-под матраса выпрыгнула бутылка шампанского.

По моим прикидкам, нас с двух сторон останавливали четыре тепловоза. Догнав сзади – притормаживали. А спереди – не давали разгоняться. Где-то в 06:30 утра мы наконец-то выбрались из-под Сангарского пролива в каком-то селеении на острове Хонсю.

Было хмурое серое утро. Нам оно показалось мягким и тёплым. Люди вокруг были неестественно задумчивы и старались смотреть под ноги. Гала порывалась идти искать Тибулевичей, но я обнял её, и она, трепыхнувшись, застыла. И мы так долго-долго стояли не шевелясь. Потом увидели бегущих к нам Тибулевичей. «А мы почему-то вначале побежали в другую сторону», – смеясь, сообщила Каори.

Они сказали нам, что никогда ничего подобного не было... Произошёл какой-то электронный сбой. Разом заглохло компьютерное оснащение поезда и тоннеля.

Вечером того же дня, а точнее ночи, написалось стихотворение «Случай в тоннеле под Сангарским проливом», которое посвятил *великому Хацуо Рояме**. (Мы как раз ехали в Хиросиму на встречу с ним.)

**Случай в тоннеле под
Сангарским проливом**

Великому Хацуо Рояме

Вчера, рассматривая слайды,
Я застывал, от счастья млея.
О, виды острова Хоккайдо!
О, поезд наш «Кассиопея»!

Зеленоватый, словно щука,
Он мчал в иные небеса.
Но от компьютерного глюка
Вдруг отказали тормоза.

Мы проносились под проливом –
Рулетка русская вращалась.
Однако мы остались живы,
Однако смерть не состоялась.

Но после этой одиссеи
Я как-то шире жизнь приемлю.
В созвездии Кассиопея
Я побывал, сойдя на Землю.

В каком-то смысле стал японцем,
Что глюком бездны осенён,
И знаю, как прекрасно солнце,
Что на полотнах их знамён.

Октябрь 2007

* Хацуо Рояма – чемпион Японии по каратэ-до Кёкусин 1973 года. Основатель и президент Международной организации каратэ-до Кёкусин-кан. Автор ряда книг по философии и практике каратэ. Две части его автобиографической книги «Моя жизнь – каратэ» и книга «На пути к постижению мастерства» изданы в России.

– Поэзия и проза... в принципе они – во многом – противоречат друг другу, хотя и составляют собой единое целое литературы. Как вы совмещаете жанры? Возможно, поэтический вектор своеобразно уводит в прозаические области, или наоборот?

– Всё, что касается творчества, процесс, как мне кажется, настолько личный, что у всех он происходит по-разному. Потому что стихи и проза приходят даже к одному и тому же автору различными путями. В поэзии иногда приходит первая строка или последняя. Или – четверостишие. Слёту запишешь строку и занимаешься дальше чем-то своим, более неотложным. Записи множатся, и через какое-то время (бывает, что через год, а то и два) неожиданно натолкнёшься на прилетевшую строку. Прочтёшь. И вдруг чувствуешь – строка не отпускает...

Иногда таким же образом пишутся и короткие рассказы. Но в целом проза приходит временными событиями, которые держатся на людях, на их жизненном опыте. В основе поэзии – чувство. В основе прозы – жизненный опыт. Иногда молодой поэт (по возрасту почти ребёнок) затрагивает в своём стихотворении такие глубинные чувства, что даже семидесятилетнему человеку такое глубокое проникновение кажется чудом. Никакого чуда нет. По Шопенгауэру, чувственная составляющая, скажем так, формируется в человеке до пяти лет. Так что, на мой взгляд, никакого противоречия в поэзии и прозе нет. Разность основ – есть, присутствует, но она настолько неуловимо изменчива, что является проблемой не столько для литераторов, сколько для искусственного интеллекта. Кажется, эту границу без потерь чисто человеческих качеств невозможно будет преодолеть.

– Рифма необходима вам? Чем она является – внутренним импульсом, элементом, связующим строки так, чтобы подчеркнуть мысль или выстроить образ? Просто – вариантом сладчайшей словесной игры?

– Рифма – это созвучие концов стихотворных строк. И конечно, она является внутренним импульсом, связующим строки, как вы говорите, чтобы подчеркнуть мысль или вы-

строить образ. Иногда это некий вариант «сладчайшей словесной игры».

Не понимаю, почему сладчайшей, а не горестной? Впрочем, это ваши вопросы и формулировки.

Можно очень многого добиться, используя рифму. Чингисхан, будучи гениальным, но безграмотным человеком, использовал рифму, составляя кодекс законов – Ясу, регламентирующую жизнь монгола. Он считал, что Ясу, свод законов, должен знать каждый монгол наизусть. Будучи безграмотным, Чингисхан с детства усвоил, что рифма помогает лучше запоминать текст, и использовал рифму, чтобы каждый воин его войска жил по строгим законам Орды. Так что предполагать, что Орда была тёмной массой, не ведающей никаких законов и установок, – категорически неверно.

Наполеон, захватив Москву, ждал, что Россия выйдет к нему навстречу и склонится перед ним как победителем. Нет – не склонилась. И войско Наполеона развалилось и бежало. Потом историки завоевателя утверждали, что Россия повела себя с агрессором как-то не так, не по каким-то принятым в Европе правилам.

Но вернусь к рифме. К её пониманию Чингисханом (и не только потому, что по лунному календарю в ноябре в Монголии отмечали 861-летие со дня его рождения). Работая над поэмой «Чингис-Хан» и не имея под рукой никаких всеми признанных научных изысканий по этой теме, я сосредотачивался на поэтическом оснащении поэмы. У меня была уверенность, что любые недочёты научного плана легко компенсируются самим поэтическим великолепием поэмы. Вот у Пушкина есть прекрасная рифма «шуба – шума». Надо и мне привнести что-то подобное.

В главе четвёртой приводится разговор Чингисхана с великим даосским монахом Чань Чунем, который «На девяти журавлях / Привёз неземную славу». Там есть строки:

«Тебе знать, Каган, не лишне,
Что выбран и день, и час,
Когда призовет Всевышний
На *Синее Небо* нас.

Пред ним мы предстанем вместе,
Чтобы держать ответ:
Ты, как монарх, – наместник,
Я, как монах, – поэт».

Да, это внутренняя рифма «монарх – монах», и мне она очень нравилась и сейчас нравится. Но суть не в этом, а в том, что даосский монах и Чингисхан действительно умерли в один день и час. И я ничего не знал об этом. Тогда не было Интернета. Но когда узнал – был ошеломлён глубиной проникновения рифмы в материал. Рифма, как бы сама по себе «ведая» об отношении к ней Чингисхана, преподнесла ему подарок. А нам «...намёк, добрым молодцам урок» о великой, до конца не познанной силе, таящейся в хорошей рифме.

15.12.2023